

Павел Владимирович Засодимский

Арфа звучала

Павел Владимирович Засодимский

Арфа звучала

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636235
Бывальщины и сказки: Издание А. Ф. Девриена; СПб; 1888*

Аннотация

«...Нежно, любовно звучала арфа в его руках. И стар и мал заслушивались ее. Даже жесткие, черствые люди, казалось, дотеле жившие на свете только для одного зла, на горе ближним и себе, приходили от нее в восторг и умиление... В потемки самой порочной души арфа вносила свет и радость, раздувая искру божию, невидимо для людей тлевшую в них под пеплом всякой житейской мерзости...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Павел Владимирович Засодимский Арфа звучала *Старинная легенда*

I

Знаменитый мастер создал эту арфу. Он добыл для арфы самые лучшие струны в мире, самые звучные, самые чуткие и отзывчивые. Для отделки ее он достал прекрасное блестящее черное дерево и украсил его только крупными перламутровыми звездами. Прекрасна, проста и изящна была эта арфа. Творец ее был великий артист, – старик высокого роста, могучий, с величавою осанкой. Густые, седые волосы, как серебристым сияньем, окружали его большой, открытый лоб. Старик уже давно задумал создать такую арфу, чтобы все – народы и цари – заслушались ее.

Он долго трудился над нею. Наконец наступил тот час, когда арфа явилась на свет. Всю последнюю ночь, глаз не смыкая, работал над нею старик...

– Кончил! – со вздохом проговорил он, поднимаясь с места.

В растворенное окно уже брезжил рассвет, и – до тех пор красный – огонь ночника казался на сером фоне комнаты желтым, мигающим пятном. С любовью и с тихою грустью старик смотрел на арфу, смотрел долго, долго, потом бережно взял ее и подошел с нею к окну. В ту минуту свежий утренний ветерок, с проблеском рассвета ворвавшись в комнату, задул едва мигавшее пламя ночника... Слегка опершись арфой на подоконник, старик посмотрел на божий мир, широко и далеко расстилавшийся перед ним.

Утро занималось над землею. Светлая полоска горела на востоке. Но земля еще спала, вся погруженная в неясные, синеватые тени; спал город, спали деревни, поля, леса, даже, казалось, спала река и, словно спросонок, тихо плескалась в своих берегах. Полоска на востоке разгоралась все ярче и ярче; голубое небо уже светлело над землею. А на земле все было еще тихо...

– Иди в мир! – вслух промолвил старик, обращаясь к арфе, как к живому существу. – Я создал тебя на благо людям, на радость и утешенье им. Пусть они, слушая тебя, делаются лучше, добрее; пусть становится светлее у них на душе! послужи им, сделай их счастливыми!

По-прежнему все было тихо и в небесах и на земле. Словно совершалась какая-то тайна... Только листья на деревьях слегка дрогнули и зашелестели под дуновеньем предутреннего перелетного ветерка. Старик легко провел пальцами по струнам, – и арфа ожила. Первый звук, трепетно сорвавшийся-

ся с ее струн, походил на легкий вздох. Тихо, чуть слышно, пронесся он над землей... Откинув волосы, старец вдохновенно посмотрел на сиявшие небеса и тихо, как бы про себя, заиграл на арфе прекрасный, радостный гимн, такой же светлый и ясный, как то ясное, летнее утро, что загоралось над землею.

Солнце блеснуло на горизонте и золотисто-розовым светом обдало небо и землю. Арфа звучала все громче и громче. Теперь ее звуки уже разливались могучей волной; они, словно, неслись на встречу к вечному светилу, в огне, в багрянце, в лучезарном блеске всходившему над миром. Победные, торжествующие звуки свободно разносились в воздухе, прославляя Солнце, Свет и Жизнь...

Замерли дивные звуки... Солнце взошло. Земля пробуждалась, листья на деревьях слышнее зашелестели, цветы поднимали свои за ночь поникшие головки, трещали насекомые и птички пели, – стозвучная музыка неслась отовсюду – с полей, с лугов, из зеленой лесной тени... То – жизнь заговорила, и не слышал в то утро ее говора только тот, кто спал в темной могиле вечным, непробудным сном. Все живое, казалось, радовалось, ликовало, празднуя появление на свет чудесной арфы... Старик, стоявший у своего высокого, открытого окна, был совершенно доволен делом рук своих. Со слезами на глазах посмотрел он на арфу, приблизил ее к себе и – счастливый, взволнованный – нежно прильнул устами к ее струнам. В порыве восторга он целовал арфу...

– Ты – прекрасна, моя арфа! – шептал он с любовью, склоняясь над нею. – Но... ты – слишком чутка, восприимчива, ты – слишком нежна, моя арфа! Я уже стар, мне недолго играть на тебе. А тебе, может статься, предстоит еще долгая жизнь... Хорошо, если ты попадешь в руки человека – такого же чуткого, нежного сердцем, как ты сама! А если тебя захватят чьи-нибудь грубые лапы?.. Ведь тогда не будут беречь тебя, как я... Тогда станут не пальцами перебирать по твоим туго натянутым, отзывчивым струнам, будут, пожалуй, кулаком стучать по тебе... Кулаком!.. когда самое легкое прикосновение заставляет тебя всю дрожать... Боюсь, что тебя не поймут и не оценят. – Старик задумчиво поник головой.

– Не знаю, что сделают из тебя люди и как они станут обращаться с тобой... – немного помолчав, со вздохом проговорил он. – Может быть, они искалечат тебя, разобьют, оборвут твои нежные струны... Но теперь ты все-таки иди к ним, послужи им... Ты должна идти!.. Я знаю, кому завещать тебя перед смертью. Я отдам тебя Ивону.

При жизни старика из арфы извлекались только высокие, торжественные звуки.

Умирая, старик дрожащими руками передал арфу своему любимцу, юноше Ивону.

– Играй на ней все хорошее, все, что хочешь... – прошептал он, с усилием взглядывая своими угасавшими глазами на румяное юношеское лицо, склонившееся над его изголовьем. Только не извлекай из нее фальшивых нот... Эти но-

ты режут слух... И не трещи на ней без толку! Пусть каждый добрый ее звук – грустный или светлый – будет внятен людям и вызовет отголосок в чьей-нибудь душе: в душе ли блудного или добродетельного сына – все равно... Для этой арфы – нет отечества, нет чужих, нет язычников. Весь мир – ее отечество, и все люди для нее – свои... Ивон! Исполнишь мой завет?

– Да! – промолвил юноша.

Старик с усилием приподнялся и, дрожащей, костлявой рукой указывая на небо, прошептал:

– Помни!

В предсмертном бреду горячие уста его шептали с мольбой: «Больше любви! Любви!..» И с этими словами умер старик.

II

Ивон полюбил арфу, хранил ее, как благословение умирающего старца, и с почетом держал ее в переднем углу своей комнатки, под старым, потемневшим распятием.

Ивон был красивый, здоровый юноша, с русыми шелковистыми кудрями, с цветущим, румяным лицом и с кроткими, карими глазами. В этих глазах светилась добрая, сильная, любящая душа, готовая ради ближних на всякие жертвы. Каждая хорошая девушка желала бы сделаться женою Ивона, каждый почтенный старик и старушка желали бы назвать его своим сыном... Старик знал, кому передавал свою арфу. Если бы он прожил еще сто лет, то все-таки не нашел бы человека – более достойного обладать его чудесной арфой.

Ивон воспевал природу, ее вечные, неувядаемые прелести, – и в звуках арфы как бы слышался шелест деревьев, сладостное дуновение ветерка, тихое журчанье источника и пенье птиц лесных... Но Ивон воспевал не одну природу. Он пел о любви, о братстве, о мире всего мира, о дружной, единой работе «всех для всех», словом, пел о том, что навевают на всякую чуткую, благородную душу юношеские золотые мечты. Песнь его была поэтична. Много страсти, много святого увлечения было в его игре; фальшивых нот не прорывалось и не слышалось бестолковой трескотни.

Нежно, любовно звучала арфа в его руках. И стар и мал заслушивались ее. Даже жесткие, черствые люди, казалось, дотоле жившие на свете только для одного зла, на горе ближним и себе, приходили от нее в восторг и умиление... В потемки самой порочной души арфа вносила свет и радость, раздувая искру божью, невидимо для людей тлевшую в них под пеплом всякой житейской мерзости.

Человек, заносивший руку на ближнего, заслышав арфу, вдруг останавливался и, поникнув головой, шел в сторону, словно, преследуемый страшным вопросом: «Что хотел ты сделать с братом своим?» Скряга, заслышав звуки арфы, подзывал к себе нищего, за минуту перед тем прогнанного от его порога, и давал ему, не считая, целую пригоршню денег. Храбрый воин, в боях поседелый, приготавливавший оружие к битве и уже мысленно рубивший врагов своим тяжелым, острым мечом, заслышав арфу, с глубоким вздохом оставлял свой блестящий меч и щит. Мудрец, ученый, целые годы не отрывавшийся от заплесневелых книг, сам заплесневевший над ними и позабывший из-за них весь мир, при звуках арфы невольно поднимал голову; седые, нахмуренные брови его расходились, разглаживались глубокие морщины, – и этот ветхий старик, желтый, как пергамент, сухой, как египетская мумия, вдруг улыбался и начинал тихо напевать ту песенку, что в далекие годы детства над его колыбелью пела мать. Старик плакал... Страдалец в звуках арфы находил отраду, своей скорби – утоление. Счастливый при звуках ее

всем сердцем, всеми силами души своей желал сделать всех окружающих довольными и счастливыми...

Для Ивона наступила благодатная пора. Он любил и был любим. Вероника, подруга его детских лет, сделалась его невестой.

Однажды в прелестный, праздничный, летний день Ивон надел свой нарядный бархатный камзол, маленькую шапочку с пером, рассыпал по плечам свои шелковистые кудри и, взяв арфу, отправился с невестой за город. Вероника была дивно хороша в своем белом платье, с своими роскошными, белокурыми волосами, свитыми на голове в виде короны; ее голубые глаза словно отражали в себе голубое, сияющее небо, а белоснежные щеки ее алели таким нежным, розовым румянцем, как будто на них почивал отсвет зари. Все, встречавшиеся с ними на улице, невольно останавливались, любовались на жениха и невесту и долго смотрели им вслед. И они исчезали в золотистой дали, как светлое виденье, на миг слетавшее с неба в эти темные, узкие улицы.

Взявшись за руки, проходили они по тенистым рощам, по цветущим, сладко пахнущим лугам, наконец, вышли на берег реки и здесь, под кустом зеленеющей ивы, опустились на траву. Арфа покоилась между ними... Тихий час настал. Вероника сидела, обхватив колено руками, и, склонив слегка головку, задумчиво, мечтательно смотрела в даль. А Ивон, скинув шапочку, полулежа, облокотился о землю рукой и любовался на узорчатый лист папоротника. Свесившиеся ру-

сье кудри бросали тень на его красивое лицо.

– Здесь растут крупные незабудки! – промолвил Ивон. – Я нарву их и сделаю из них веноч. Этот веноч из голубых цветочков будет чудо как хорош на белокурых волосах моей Вероники.

Девушка ничего не сказала, только улыбнулась и ласково посмотрела на него. Скоро веноч был готов, и Ивон с поцелуем надел его на свою невесту.

Так светло и ясно, так мирно начавшийся день разразился к вечеру страшною грозой. Молодые люди не заметили, как подкрались черные тучи, заслонили солнце и быстро заволокли все небо. Гром гремел и яркие молнии прорезывали сгустившийся над землею мрак. Буря мигом налетела – с ревом и воем. При свете вспыхивавших молний видно было, как кусты ив низко стлались по земле, а высокие деревья трещали и гнулись от ветра, раскачивая из стороны в сторону свои темные вершины. Крупными каплями стал накрапывать дождь. Ивон схватил в одну руку арфу, в другую – невесту и хотел бежать в хижину пастуха, чтобы там переждать непогоду. Но в это самое мгновенье страшная молния загорелась в облаках; казалось, разверзлись небесные выси и послали на грешную землю целые потоки огня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.